Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

М. Малицкий

Собственные имена у древних евреев и их религиозно-историческое значение

Опубликовано:
Христианское чтение. 1882. № 11-12. С. 623-647.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

Собственныя имена у древнихъ евреевъ и ихъ религіозно-историческое значеніе [1]).

1.

זֶה אֵלִי—Онъ мой Богъ (Исх. XV, 2).

יְהוָה שְׁמוֹ—Іегова имя Ему (3 ст.).

Со времени вступленія пророка Моисея въ права народнаго вождя жизнь народа еврейскаго, какъ мы уже говорили, приняла иную форму: образовался нѣсколько новый оттѣнокъ и въ религіозномъ сознаніи израильтянъ, который и сдѣлался исходнымъ пунктомъ для всего дальнѣйшаго развитія этого народа, даже, исключительно, всего человѣчества; далѣе, мы коротко уже сказали, какъ это новое представленіе относилось къ тогдашнему современному состоянію народа и къ предшествующему времени. Теперь является вопросъ: не даютъ ли намъ собственныя имена народа основаній для сужденія объ этомъ отношеніи новаго представленія о Богѣ къ древнему?

Въ новѣйшее время существуетъ и даже получило нѣкоторую устойчивость то мнѣніе, что Богъ, открывшійся Моисею въ имени Іегова, стоитъ въ совершенной противоположности къ Элъ, Богу народа домоисеева времени. Насколько справедливо такое мнѣніе? Нѣтъ сомнѣнія, что оно могло бы имѣть мѣсто только тогда, если бы Элъ, точно также какъ Іегова, было личнымъ именемъ, или, если можно такъ сказать, индивидуальнымъ именемъ совершенно опредѣленнаго Бога. Но, когда мы говорили объ этомъ имени, мы уже старались показать, что въ сознаніи тѣхъ, которые призывали Бога, какъ Элъ, послѣднее имя, если и относилось къ опредѣ-

[1]) См. Хр. Чтеніе 1882 г. № 9—10, стр. 321—352.

ленному Богу, то вмѣстѣ съ тѣмъ понималось въ смыслѣ нарицательномъ: Элъ-Богъ въ общемъ смыслѣ этого слова. Это имя настолько же принадлежитъ Богу евреевъ, насколько можетъ относиться и къ божествамъ другихъ народовъ. Уже по одному этому невозможно допустить совершенной противоположности между Элъ и Іегова. Но мы обратимся за разрѣшеніемъ вопроса къ собственнымъ именамъ. Употребленіе того и другаго имени Божія въ сложныхъ собственныхъ именахъ никакъ не позволяетъ между ними видѣть противоположности. Не только почти всѣ понятія, которыя соединялись съ Іегова (какого рода они, мы увидимъ во второй части), являются уже и въ соединеніи съ Элъ; но иногда даже имя одного лица образуется то съ тѣмъ, то съ другимъ именемъ Божіимъ. Эти факты, и особенно послѣдній, самымъ убѣдительнымъ образомъ свидѣтельствуютъ противъ выше указаннаго мнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если что должно оставаться всегда однимъ и тѣмъ же, то такимъ должно оставаться имя, которое носитъ во время своей земной жизни извѣстное лицо. А поэтому, если собственное имя извѣстнаго лица соединяется съ различными божественными именами, то эти имена должны заключать въ себѣ одно и тоже религіозное представленіе; въ противномъ случаѣ былъ бы совершенно непонятенъ и немыслимъ самъ по себѣ самый фактъ замѣны одного имени Божія другимъ. „Нельзя забывать, говоримъ мы словами Редслеба, что собственныя имена у израильтянъ въ раннее время во всякомъ случаѣ не были еще на столько сухими, безжизненными, ничего незначащими обозначеніями, каковыми они стали съ теченіемъ времени, и еще не стояли въ такой независимости отъ ихъ нарицательныхъ значеній, какъ у насъ. Отсюда, кто нибудь могъ быть названъ также Хоніей (כָּנְיָהוּ Іер. XXII, 24) и Іехоніей (יְכָנְיָהוּ, יְכָנְיָה Іер. XXIV, 1. XXVII, 20), какъ и Іоахиномъ (יְהוֹיָכִין, יְכָנְיָה Іер. LII, 31; Іезек. I, 2), равно Охозіей (אֲחַזְיָהוּ, אֲחַזְיָה 3 Ц. XX, 40 и др.), какъ и Іоахазомъ (יוֹאָחָז и יְהוֹאָחָז 2 Пар. XXI, 17); самое понятіе, заключающееся въ имени, черезъ это не измѣняется“ [1]).

[1]) Die alttestamentl. Namen. стр. 23.

Подобно этому нельзя считать за измѣненное въ его значеніи и то собственное имя, которое, будучи первоначально въ сложеніи съ אֵל, потомъ произносится съ יְהוָה; значеніе имени и здѣсь остается одно и тоже. Что, напримѣръ, имена Елхананъ (אֶלְחָנָן 2 Ц. XXI, 19; XXIII, 24) и Іохананъ (יוֹחָנָן 1 Пар. XII, 4. 12) могли быть именами одного и того же лица, это, положимъ, возможно допустить, что признаетъ и Редслебъ [1]); но при этомъ мы должны замѣтить, что перемѣна въ такихъ случаяхъ происходила всего вѣроятнѣе или отъ переписчика, или отъ историка. Но, разсуждая такимъ образомъ противъ указаннаго мнѣнія, мы въ то же время наталкиваемся невольно на замѣчательный разсказъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, который повидимому можетъ навести на мысль, что между *Элъ* и Іегова даже въ позднѣйшее время существовала еще очень большая разница. Мы имѣемъ въ виду XXIII гл 34 ст. 4-й книги Царствъ. Послѣ того, какъ Іосія, царь іудейскій, палъ при Мегиддо въ битвѣ съ фараономъ Нехао (29 ст.), послѣдній поставилъ царемъ на іерусалимскомъ престолѣ, подчиненномъ Египту, Эліакима (אֶלְיָקִים), сына Іосіи, и при этомъ переименовалъ его въ Іоакима (יְהוֹיָקִים). Здѣсь для насъ имѣетъ значеніе послѣдній фактъ. Основанія для такой перемѣны имени не указано и въ тоже время отыскать его весьма трудно. Нѣкоторые думали найти здѣсь доказательство египетскаго происхожденія имени *Іеговы*, но это справедливо уже отвергается Елеромъ. По его мнѣнію, указываемая перемѣна имени свидѣтельствуетъ о томъ, что египетскій царь поступилъ такимъ образомъ, имѣя въ виду іудейскаго національнаго Бога. Въ доказательство этого Елеръ указываетъ во 1-хъ параллель въ 4 Ц. XXIV, 17, гдѣ Навуходоносоръ подобнымъ же образомъ даетъ Матѳаніи (מַתַּנְיָה) новое имя, соединенное съ יְהוָה — Седекія (צִדְקִיָּה), потомъ дѣлаетъ ссылку на XXXVI, 10, кн. пр. Исаіи, гдѣ приводятся слова Рапсака: „развѣ безъ Іеговы я пришелъ въ эту страну, чтобы разорить ее? Іегова сказалъ мнѣ: поди въ эту страну и разори ее“ [2]). Но такое толкованіе едвали можетъ быть удовлетворительно, хотя оно и

[1]) Ibidem.

[2]) Theol. d. Alt. Test. 1, 147.

имѣетъ за себя нѣкоторые факты. Оно возможно только въ томъ случаѣ, если дѣйствительно между *Элъ* и *Іегова* имѣло мѣсто различіе. „Если бы этого (т. е. различія) не было, тогда нужно было бы согласиться, говоритъ Редслебъ, что для Нехао было совершенно все равно, назывался ли царь Эліакимомъ или Іоакимомъ. Поэтому Редслебъ разсуждаетъ иначе: въ словѣ *Элъ*, по его мнѣнію, нужно находить отношеніе къ совокупному государству (т. е. іудейскому и израильскому), а въ словѣ *Іегова* — спеціальное отношеніе къ Іудѣ. Іосія присвоилъ себѣ сѣверную часть Палестины, на которую Нехао смотрѣлъ не какъ на провинцію Іудеи, но скорѣе какъ на провинцію Вавилоніи, или какъ на землю не принадлежащую никому; — отсюда слѣдуетъ и объясненіе разсматриваемыхъ именъ: Іосія далъ своему сыну имя Эліакимъ вѣроятно въ виду отношенія къ претендуемому имъ господству надъ совокупной страной, а Нехао, съ своей стороны, перемѣною Элъ на Іагу, вѣроятно хотѣлъ выразить ограниченіе власти Эліакима только Іудеею. На ряду съ этимъ Редслебъ ставитъ слѣдующее положеніе: *Элъ* получило значеніе Бога охранителя обоихъ царствъ лишь со времени Іосафата, который заключилъ союзъ съ сѣвернымъ государствомъ и такимъ образомъ за нимъ призналъ право на названіе его царствомъ *Эла*, и Іуда только въ это время, въ силу внутреннихъ и особенныхъ обстоятельствъ, назвалъ *Эла* другимъ именемъ, т. е. *Іеговою*. Въ доказательство этого довольно остроумнаго, объясненія Редслебъ приводитъ два факта: во первыхъ, онъ указываетъ на то, что именно съ Іосафата (о чемъ мы уже упоминали) начинается рядъ царскихъ именъ, которыя образуются съ именемъ *Іегова*; во вторыхъ, указываетъ на существованіе двухъ различныхъ именъ для того и другаго государства: *Израиль* (יִשְׂרָאֵל) и *Іуда* (יְהוּדָה), изъ которыхъ послѣднее напоминаетъ объ Іеговѣ [1]). Но, безъ сомнѣнія, противъ Редслеба въ данномъ случаѣ говорятъ болѣе многочисленные факты. Такія царскія имена напримѣръ, которыя Редслебъ находитъ въ іудейскомъ царствѣ, встрѣчаются и въ сѣверномъ—израильскомъ царствѣ; не говоря уже объ Авіи (אֲבִיָּה), сынѣ Ровоама (3 Ц.

[1]) Die alttest. Namen. стр. 21—22.

XV, 1), сыновья и преемники Ахава—Охозія (אֲחַזְיָהוּ) и Іорамъ (יְהוֹרָם) во всякомъ случаѣ носятъ такія же имена—соединенныя съ именемъ Іегова. Такимъ образомъ въ царствѣ израильскомъ встрѣчаются собственныя имена, соединенныя съ именемъ Іеговы, даже въ то время, когда имя Іегова, по объясненію Редслеба, вошло въ употребленіе только въ іудейскомъ царствѣ, и при томъ въ силу извѣстныхъ спеціальныхъ обстоятельствъ только этого царства. И вообще сравненіе личныхъ именъ, которыя были въ сѣверномъ государствѣ, съ тѣми, которыя были въ южномъ, никоимъ образомъ не даетъ результата, какого необходимо ожидать при предположеніи Редслеба, что въ первомъ въ сложныхъ именахъ употреблялось имя Божіе אֵל, а во второмъ יְהוָה. Что же касается различныхъ именъ двухъ государствъ, то мы выше замѣчали, что имя *Израиль* употреблялось уже въ давидово время по отношенію къ сѣвернымъ колѣнамъ народа еврейскаго. А имя Іудеи установилось отъ преобладанія на югѣ Палестины колѣна Іудина—и только. Правда, по поводу замѣченнаго нами относительно имени „Израиль“, могутъ сказать, что нѣкоторое религіозное различіе между сѣверными и южными колѣнами возникло уже въ весьма раннее время; но этому опять противорѣчитъ, какъ самое рѣшительное свидѣтельство, пѣснь Девворы: эта пѣснь, воспѣтая на сѣверѣ и ни однимъ словомъ не упоминающая Іуды, прославляетъ однако Іегову съ полнымъ воодушевленіемъ, какъ Бога Израиля.

Мы высказали здѣсь только то, что ближайшимъ образомъ касается разсматриваемаго предположенія Редслеба. Но безъ сомнѣнія противъ него говорятъ и многія другія данныя, приводить которыя мы считаемъ совершенно лишнимъ въ данномъ мѣстѣ, исключая развѣ указанія еще на то, что мы говорили о древности имени Іеговы.

Такимъ образомъ мы пришли къ слѣдующему результату: воззрѣнія и религіозныя представленія тѣхъ, которые пользовались при образованіи своихъ собственныхъ именъ именемъ Божіимъ *Эль* по древне-еврейскому обычаю, специфически не разнились отъ вѣры тѣхъ, которые носили въ своихъ именахъ имя *Іегова*. Оба эти

названія—и *Элъ* и *Іегова*—прилагались къ одному и тому же Богу. Но теперь является вопросъ: не было ли между израильтянами такихъ лицъ, которыя почитали Іегову подъ другими именами или вмѣстѣ съ Іеговою почитали другихъ боговъ? точнѣе: нельзя ли находить этого въ ветхозавѣтныхъ личныхъ именахъ? Отвѣтъ на это мы увидимъ далѣе.

2.

Я Іегова Богъ твой. Да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицемъ Моимъ (Исх. XX, 2. 3).

Народъ еврейскій, въ силу своей исторической судьбы, былъ поставленъ подъ двумя различными вліяніями, которыя могли отразиться какъ на общемъ строѣ его жизни, такъ въ частности и на религіозномъ его воззрѣніи: — съ одной стороны, подъ вліяніемъ египтянъ, съ другой—спеціально ханаанскихъ народовъ. Вслѣдствіе этого вопросъ объ отношеніи чуждыхъ божествъ къ Богу народа израильскаго естественно распадается на два вопроса, — первый: можно ли находить въ собственныхъ именахъ израильскаго народа слѣды египетскаго представленія о божествѣ; второй: нельзя ли указать въ нихъ слѣдовъ почитанія другихъ семитическихъ божествъ, спеціально ханаанскихъ? Попытаемся отвѣтить на каждый изъ этихъ вопросовъ.

I. Разсматривая имя матери Моисея, мы между прочимъ указывали одно мнѣніе, которое приписываетъ египетское происхожденіе этому имени и объясняетъ его въ связи съ египетскимъ божествомъ луны. Мы отказались принять это мнѣніе. Теперь предъ нами выступаетъ имя отца Моисеева, Амрамъ (עַמְרָם), которому (имени) точно также указываютъ родину въ египетской религіи. Говорятъ, что это имя, получившее начало въ языкѣ Египта и заключающее въ себѣ составныя части: *Амонъ* и *Ра*, есть имя бога солнца [1]). Но это мнѣніе также мало справедливо, какъ и

[1]) Мартинъ Шульцъ—Ausland ном. 49, стр. 962. 1874. Въ одной статьѣ, озаглавленной: «Moses und die Zehnwort-Gesetze des Pentateuch». Nestle замѣчаетъ, что если это имя нужно считать за сложное, то оно звучитъ скорѣе

первое. Какъ имена *Ра* и *Амонъ* пишутся въ еврейскомъ языкѣ, это мы видимъ весьма ясно изъ слѣдующихъ именъ: פּוֹטִיפַרַע (Потиферъ, Быт. XXXXI, 45) и נֹא אָמוֹן (Но Амонъ, пр. Наума III, 8). Здѣсь разсматриваемыя нами имена принимаютъ совершенно иное начертаніе, чѣмъ въ имени עַמְרָם. Слѣдовательно послѣднее имя нельзя разсматривать какъ имя египетскаго божества солнца. На существованіе *Ра* въ еврейскихъ собственныхъ именахъ скорѣе можетъ указывать имя אֲחִירַע (Ахи*ра*), которое носитъ по I Числъ 15 ст. начальникъ Нефѳалимова колѣна. Послѣдняя часть этого имени רַע совершенно тождественна по начертанію съ именемъ египетскаго божества *Ра*. Но и это имя объясняютъ различно. Одни видятъ въ немъ чисто еврейское слово: Гезеніусъ [1]) производитъ его отъ רָעַע и переводитъ: *братъ зла, злой*; Фюрстъ [2]) находитъ корень его въ רָעָה и переводитъ: *братъ дружества, другъ*. Другіе разсматриваютъ это имя какъ смѣшанную египетско-семитическую форму, а нѣкоторые, наконецъ, считаютъ его египетскимъ во всемъ составѣ. Два первыя производства Nestle считаетъ очень искуственными. Третье объясненіе, по его мнѣнію, не вызываетъ противъ себя возраженій съ филологической стороны. Такія смѣшанныя египетско-семитическія формы представляютъ въ себѣ и нѣкоторыя другія имена, напр. Петваалъ [3]) (на одной надписи 17-й династіи), Πετιασθάρθη [4]) и др.; въ ветхозавѣтныхъ именахъ такъ же можно разсматривать имя Футіилъ (פּוּטִיאֵל, Исх. VI, 25). Хотя это послѣднее имя въ еврейскихъ словаряхъ производится во всемъ составѣ изъ семитическаго языка [5]), но это едвали справедливо. פּוּטִי въ этомъ имени совершенно тождественно съ פּוּטִי въ имени Потифара (פּוֹטִיפַרַע). De Vogüé [6]) говоритъ, что онъ на

עַמִּירִם, какъ עַמִּיהוּד и др. Съ этимъ согласны Гиллеръ, Мирусъ и др., которые переводятъ это имя: народъ Вышняго. Самъ Nestle однако производитъ его отъ עָמַר (поработилъ) съ прибавочнымъ ם.

[1]) Lexicon manuale Hebraicum et chaldeicum.

[2]) Опытъ библейскаго словаря Солярскаго.

[3]) Brougsch, Histoire d'Egypte, seconde edit. стр. 172. См. у Nestle стр. 110.

[4]) У Nestle: ibidem.

[5]) Гезеніусъ видитъ его корень въ сирскомъ словѣ פּוּט презирать, опечаливать и отсюда переводитъ его: презрѣнный Богомъ.

[6]) Syrie centrale, 148. У Nestle, ibidem.

египетско-арамейскомъ папирусѣ Ватикана читалъ одно имя, въ которомъ также, какъ въ אֲחִירַע, послѣдній членъ есть египетское имя божества, а первый—семитическое слово. Не смотря однакоже на возможность такого объясненія (т. е. изъ корней различныхъ языковъ) имени Ахира, 'Nestle принимаетъ его за египетское имя во всемъ составѣ, на томъ основаніи, что въ египетскомъ языкѣ весьма обыченъ родъ рѣчи: achu ra т. е. блескъ Ра, или солнца [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что только одно изъ этихъ объясненій можно признать безусловно справедливымъ, но опредѣленно указать это одно весьма трудно.

Кромѣ указанныхъ именъ, нѣкоторый намекъ на имена египетскихъ божествъ можно находить еще въ двухъ именахъ, встрѣчающихся въ Ветхомъ Завѣтѣ: חוּר (Хуръ), которое носитъ зять Моисея (1 Пар. II, 19) и אַסִּיר (Ассиръ), которое принадлежитъ одному изъ сыновъ Кореевыхъ (Исх. VI, 24). Но можно ли „Хуръ“ поставить въ связь съ египетскимъ „Горусомъ“ и „Ассиръ“ съ „Озирисомъ“, это остается вопросомъ. Этимъ именамъ, какъ и указаннымъ выше, точно также находятъ корни въ еврейскомъ языкѣ: חוּר отъ חָוַר (Гезеніусъ, Мирусъ, Гиллеръ [2]) и др.) значитъ бѣлый; אַסִּיר отъ אָסַר—побѣжденный [3]).

Такимъ образомъ мы не можемъ сказать опредѣленно, что въ нѣкоторыя собственныя имена евреевъ входили божественныя имена египетской религіи. Но еслибы названныя три имени и дѣйствительно указывали на египетское вліяніе, то и это еще не могло бы имѣть большаго значенія: мы ни откуда не знаемъ, что носители разсмотрѣнныхъ именъ почитали египетскаго бога солнца или самое солнце. Если египетская религія оставила нѣкоторый слѣдъ въ религіозномъ сознаніи евреевъ, то съ самой общей стороны, со стороны своего натуралистическаго характера (Исх. XXXII гл.) и нѣкоторымъ образомъ со стороны самой идеи о божествѣ, какъ существѣ весьма строгомъ.

---

[1]) У Nestle стр. 111.

[2]) Lexicon manuale Гезеніуса, Onomasticum biblicum Мируса и סֵפֶר שְׁמוֹת Гиллера (pars posteriora).

[3]) Гезеніусъ и Мирусъ.

II. Переходя ко второму вопросу, именно вопросу объ отношеніи спеціально ханаанской религіи къ истинной израильской религіи и рѣшенію этого вопроса на основаніи собственныхъ именъ евреевъ, мы прежде всего должны указать на слѣдующій, правда, отчасти странный, но въ то же время весьма отрадный фактъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ весьма часто идетъ рѣчь о почитаніи женскихъ божествъ и между ними особенно о почитаніи Астарты, культъ которой по самому характеру своему долженъ былъ имѣть довольно сильную привлекательность для народа во всѣ періоды израильской исторіи. Однако, не смотря на это, въ Ветхомъ Завѣтѣ едвали можно указать хотя одно личное имя, которое было бы образовано съ именемъ עַשְׁתָּרוֹת (Астарты), и это тѣмъ удивительнѣе, что въ финикійскихъ именахъ вмѣстѣ съ Вааломъ и Мелькартомъ едвали какое божество является такъ часто какъ Астарта, какъ увѣряетъ Nestle. Въ нѣкоторыхъ географическихъ именахъ несомнѣнно является это самое имя, напримѣръ, въ עַשְׁתָּרוֹת קַרְנַיִם (Аштероѳъ-Карнаимъ, Быт. XIV, 5), עַשְׁתָּרֹת (Аштароѳъ, Втор. I, 4), вѣроятно, также и въ בְּעֶשְׁתְּרָה (Беэштера, Іис. Нав. XXI, 27 = בית עשתר) [1]). Но такія имена очень легко могли остаться отъ древняго времени, и поэтому мы не можемъ дѣлать того заключенія, что разсматриваемое божество въ томъ мѣстѣ, которое носило его имя, было почитаемо особеннымъ образомъ.

Кромѣ имени Астарты, между именами мѣстностей очень не рѣдко фигурируетъ имя другой финикійской богини עֲנָת (Іис. Нав. XV, 59. XIX, 38. XXI, 18) [2]). Эта богиня, до сихъ поръ извѣстная только изъ египетскихъ памятниковъ восемнадцатой династіи (XV—XVI в. до христіан. эры), указывается въ настоящее

---

[1]) Гитдигъ впрочемъ не допускаетъ этого объясненія. Онъ утверждаетъ что въ собствен. именахъ можетъ быть съ простымъ ב только בֵּן, но не בַּיִת или בַּת и поэтому объясняетъ имя Беэштера изъ санкритск. bhastra = раздувальный мѣхъ. Zeitschr. d. D. M. Gesellsch. T. X, 720.

[2]) Выраженіе בֵּית עֲנָת (Іис. Н. XV, 59. XIX, 38 и сл.) Гезеніусъ переводитъ: *домъ эха*, *отголоска*. Но по свидѣтельству de Vogüé гіероглифически это выраженіе пишется съ членомъ для жилища предъ первою частью, а для богинь предъ второю. Mélanges, стр. 36 и сл. См. у Nestle: Die isr. Eigenn. стр. 114.

время въ Ассиріи и на одной кипрской надписи временъ Птоломеевъ [1]). Но въ то же время, что особенно замѣчательно, его носитъ и дочь великаго Рамзеса II-го, Бентъ-Анта [2]). Такимъ образомъ, имя עֲנָת, служа обозначеніемъ мѣстностей, является и въ личныхъ собственныхъ именахъ. А отсюда становится возможнымъ слѣдующій вопросъ: нельзя ли предположить, что форма עֲנָת (Анаѳъ), которая встрѣчается въ книгѣ Судей III, 31 и V, 6, какъ имя отца Самегара, судіи израильскаго народа, имѣетъ связь съ точно такимъ же именемъ разсматриваемой богини и даже почитаніемъ ея; другими словами, не заимствовано ли личное имя עֲנָת у богини עֲנָת? Этотъ вопросъ на первый взглядъ представляется довольно страннымъ, потому что въ такомъ случаѣ имя божества переносилось бы на человѣка безъ всякой перемѣны. И эта странность увеличивается здѣсь еще болѣе отъ того, что имя богини принимаетъ мужчина. Вслѣдствіе этого многіе объясняютъ личное имя внѣ связи съ именемъ финикійской богини и объясняютъ первые изъ еврейскаго языка [3]). Но это не единственный случай, гдѣ человѣкъ носитъ имя божества безъ всякой перемѣны. Въ личныхъ именахъ: הֲדַד (הֲדַר, Гададъ (ръ), Быт. XXXVI, 35). מַלְכָּם (Малхамъ, 1 Пар. VIII, 9), נַעֲמָן (Нееманъ, 4 Ц. V, 1), בַּעַל (Ваалъ, 1 Пар. V, 5), быть можетъ также רִמּוֹן (Риммонъ, 2 Ц. IV, 2), арабскаго: חבל и др. [4]) мы точно также видимъ имена божествъ безъ всякаго измѣненія, и объяснять эти имена безъ допущенія указанной нами мысли, т. е. безъ отношенія ихъ къ одноименнымъ божествамъ, едвали возможно. Подобные же факты тождества именъ божескихъ и человѣческихъ мы встрѣчаемъ и въ Греціи. По сообщенію Папе, нѣкоторыя имена греческихъ божествъ: Аполлонъ, Аѳина, Артемида, Афродита, Діонисъ, Эросъ, Иліосъ, Муза и особенно часто Ермисъ употреблялись вмѣстѣ и какъ личныя имена [5]). Объясняя подобныя имена, Леви говоритъ [6]),

[1]) У Nestle: ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Гезеніусъ переводитъ его: *слышаніе*; Солярскій: *услышаніе, исполненіе, удовлетвореніе.*

[4]) См. у Nestle: Die isr. Eigenn. стр. 115.

[5]) Словарь греческихъ собственныхъ именъ. См. у Nestle, стр. 115, пр. 1.

[6]) Ibidem.

что они произошли чрезъ опущеніе нѣкоторыхъ прибавокъ, въ родѣ: עֶבֶד (рабъ), араб. ثوم и другихъ подобныхъ словъ. Такое предположеніе можно считать весьма вѣроятнымъ [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ его можно приложить и къ объясненію разсматриваемаго имени עֲנָת (какъ личнаго имени). Какъ имена בַּעֲנָא и בַּעֲנָה (Ваана, 3 Ц. IV, 12. 16; 2 Ц. IV, 2; 1 Пар. XI, 30) можно разсматривать, какъ בֶּן עֲנָה (сынъ огорченія [Солярскій), такъ и при послѣднемъ можно подразумѣвать слово בֶּן (сынъ), что уничтожаетъ ту несообразность, что имя богини носитъ лице мужескаго пола. Впрочемъ, все это объясненіе разсматриваемаго имени есть только предположеніе, могущее имѣть степень большей или меньшей вѣроятности, не болѣе. Въ связи съ собственнымъ именемъ עֲנָת по отношенію къ данному вопросу (объ отношеніи семитич. религіи къ израильской) можно поставить имя רֶשֶׁף (Решефъ, 1 Пар. VII, 25), которое также напоминаетъ божество רשף. Но указываетъ или нѣтъ собственное имя на культъ этого божества, которое до сихъ поръ извѣстно также только изъ египетскихъ памятниковъ самаго древняго времени и финико-кипрскихъ надписей новѣйшаго времени, это остается неизслѣдованнымъ [2]).

Вообще указанныя нами явленія настолько частны и сбивчивы, что строить на нихъ дальнѣйшія заключенія было бы очень смѣло. Относительно упомянутыхъ собственныхъ именъ мы можемъ съ увѣренностію сказать только то, что мы находимъ ихъ въ Палестинѣ, на древне-семитской почвѣ—въ срединѣ между Вавилономъ и Египтомъ; но въ тоже время мы не можемъ съ одинаковой увѣренностію отвѣчать относительно большинства изъ нихъ: были ли дѣйствительно носители ихъ израильтяне или потомки древнѣйшихъ жителей Палестины. Намъ кажется, что всѣ указанныя собственныя имена даютъ болѣе правъ къ тому утвержденію, что признаніе двухъ началъ въ ханаанской религіи: мужскаго производящаго,

[1]) Въ оправданіе этого предположенія Nestle указываетъ на мѣсто изъ комментарія къ «Mutanabbi» относительно имени Ibn Rudha и говоритъ: Rudha есть имя идола и Ibn Rudha стоитъ вмѣсто Ibn Abd Rudha (т. е. сынъ почитателя Рудги) какъ говорятъ Ibn Manaf вмѣсто Ibn Abd Manaf, гдѣ Manaf также есть имя языческаго арабскаго божества.

[2]) Die Isr. Eigenn. Nestle, стр. 116.

или оплодотворяющаго и женскаго воспринимающаго, осталось безъ вліянія на религію израильтянъ. По крайней мѣрѣ культъ женскихъ божествъ не былъ такъ популяренъ между израильтянами, чтобы имена ихъ осмѣливались носить открыто въ своихъ собственныхъ именахъ.

Болѣе опасности предстояло для Израиля впасть въ другую возможную форму искаженія своей истинной религіозной идеи, именно въ форму дуализма, который характеризуется принятіемъ двухъ противоположныхъ принциповъ: съ одной стороны созидающаго (добраго Бога), съ другой—разрушающаго (злаго бога). Вліяніе хананаской религіи съ этой стороны могло быть легче усвоено народомъ еврейскимъ: почвой для признанія послѣдняго принципа могло служить извѣстное ему ученіе о діаволѣ. Но въ религіозномъ сознаніи евреевъ, при всемъ увлеченіи ихъ по временамъ чуждыми—хананаскими культами, понятіе о зломъ началѣ всегда оставалось безконечно ниже принципа добра, или Бога.

Послѣ этихъ замѣчаній, которыя привели насъ болѣе къ отрицательному, нежели положительному отвѣту на поставленный нами вопросъ о вліяніи хананаской религіи на религіозное сознаніе народа израильскаго, мы перейдемъ въ область тѣхъ данныхъ, которыя сообщаютъ намъ о вліяніи на религію израильскаго народа культа Ваалова. Мы ставимъ слѣдующій вопросъ: нельзя ли находить слѣдовъ почитанія Ваала, которое во всякомъ случаѣ составляло главный культъ древнихъ жителей Ханаана и народовъ позднѣйшихъ, окружающихъ Израиля, въ израильскихъ собственныхъ именахъ?

То, что извѣстно объ этомъ, можно представить въ слѣдующемъ.

А. До времени судей имя Ваала не встрѣчается въ израильскихъ собственныхъ именахъ. Попытки указать его даже въ патріархальное время не имѣютъ подъ собою твердой почвы. Обыкновенно указываютъ въ этомъ случаѣ не на имя *Ваалъ-Ханана* (Быт. XXXVI, 38), такъ какъ это имя стоитъ въ спискѣ эдомскихъ царей, а на имя Рувима (רְאוּבֵן), старшаго сына Іакова. Въ греческомъ текстѣ это имя пишется иногда *Рувилъ* (Ρουβηλ) и Іосифъ Флавій въ разсказѣ о немъ (Древности: часть I, гл. XIX,

7) объясняетъ его: „полученный отъ Божія милосердія“. Поэтому послѣднему объясненію *Рувилъ* רְאוּבֵל есть сокращеніе изъ רחום אל (רחוב). Келеръ [1]) считаетъ имя *Рувилъ* первоначальной формой имени первенца Іакова и переводитъ его: лице Бела, или Ваала, т. е. солнце. Однако такое объясненіе весьма невѣроятно. Главнымъ основаніемъ для него служитъ ссылка на эѳіопскій переводъ, сдѣланный съ греческаго языка. Но этотъ переводъ (по словамъ Кнепеп'а) [2]) болѣе доказываетъ то, что окончаніе *элъ* (ηλ) есть позднѣйшее окончаніе, а не первоначальное. Въ доказательство этого послѣдній указываетъ на то, что, напримѣръ, форма „Керубилъ“ образовалась изъ множественнаго כְּרֻבִים (Керубимъ) или כְּרוּבִין (Керубинъ). Кромѣ указаннаго имени, названіе *Ваалъ* нѣкоторые видятъ еще въ собственномъ имени одного изъ сыновей Веніамина אַשְׁבֵּל (Ашбелъ, Быт. XXXXVI, 21; 1 Пар. VIII, 1). Въ такомъ случаѣ это имя разсматривается, какъ сокращеніе изъ אִישׁ בַּעַל (Ишъ-Ваалъ = мужъ Ваалъ). Но правильность такого объясненія опять остается вопросомъ, „потому что, какъ говоритъ Nestle [3]), сокращеніе בַּעַל въ בַּל даже въ финикійскомъ языкѣ является довольно поздно“.

B. Но если до времени судей нельзя указать опредѣленно ни на одно имя, соединенное съ בַּעַל, то, наоборотъ, во время судей и первыхъ царей израильскаго народа такія имена встрѣчаются сравнительно довольно часто.

Первое изъ именъ такого рода есть имя Іероваалъ יְרֻבַּעַל. Это имя, какъ мы видимъ изъ Библіи, есть прозваніе Гедеона, данное ему по особому случаю, описанному въ VI гл. книги Судей, именно по случаю разрушенія имъ жертвенника Ваала [4]). Въ приложеніи

---

[1]) Der Segen Iakobs, стр. 27.

[2]) De Godsdienst v. Isr. I, 404. Theol. Tijdschrift. V (1871), 291.

[3]) Die Isr. Eigenn... Nestle, стр. 119.

[4]) Nestle высказываетъ сомнѣніе по поводу разсказа VI гл. книги Судей и признаетъ имя Іероваалъ за первоначальное имя Гедеона, тогда какъ это послѣднее за прозваніе. Основаніемъ для этого мнѣнія служатъ для него IX гл. Суд., затѣмъ 1 Ц. XII, 11; 2 Ц. XI, 20, гдѣ Гедеонъ называется только Іероваломъ. Но на этомъ основаніи едва ли можно говорить о неисторичности библейскаго разсказа. Изчезновеніе имени Гедеона въ указанныхъ Nestle'мъ мѣстахъ говоритъ только о томъ, что имя Іероваалъ осталось болѣе памят-

къ этому событію, значеніе его передается въ самомъ библейскомъ разсказѣ такимъ образомъ: „пусть Ваалъ судится съ нимъ“. Точно также передаетъ его и Гезеніусъ. Другіе переводятъ нѣсколько съ другимъ оттѣнкомъ. Такъ, по мнѣнію Лютера, Іерооаалъ значитъ: „пусть Ваалъ судится самъ за себя“, по переводу Касселя: „пусть онъ (Гедеонъ) борется противъ Ваала“ или „побѣдитель Ваала“. Nestle передаетъ просто: „Ваалъ борется“. Всѣ эти объясненія конечно въ существѣ дѣла выражаютъ одну и туже мысль: пусть Гедеонъ за свой поступокъ противъ Ваала имѣетъ дѣло съ самимъ Вааломъ; но за болѣе точный переводъ нужно принять переводъ Nestle. Въ первыхъ же переводахъ обращается преимущественное вниманіе на толкованіе прямаго смысла даннаго имени, какъ бы въ приложеніи къ слушателямъ, которые дѣйствительно вводятся въ библейскомъ разсказѣ.

Послѣ Іерооаала мы должны указать на имя сына Іонаѳана מְרִיב־בַּעַל (Мериббаалъ, 1 Пар. VIII, 34). Оно встрѣчается три раза въ 1-й книгѣ Паралипоменонъ и одинъ разъ пишется: מְרִי־בַּעַל (Мери-баалъ, IX, 40). Это подало поводъ Фюрсту разсматривать эти двѣ формы, какъ различныя имена; первую онъ переводитъ: „преодолѣніе Ваала“, вторую: „отпаденіе отъ Ваала“. Гезеніусъ въ своемъ лексиконѣ (manuale) и то и другое имя переводитъ: „Baalem impugnans“. Гейгеръ считаетъ болѣе правильною форму Мери-Ваалъ (מְרִי־בַּעַל) и переводитъ ее: „мой господь Ваалъ (?)“, что справедливо оспариваетъ Мейеръ (Zeitschr. d. D. M. Gesellsch., XVI, 729; XVII, 619). По словамъ Nestle מְרִיב־בַּעַל есть первоначальная форма и очевидно значитъ: „противникъ (Streiter) Ваалъ“, а не противникъ Ваала или не „impugnans Baalem“.

нымъ у народа, чѣмъ Гедеонъ; и это весьма понятно: фактъ разрушенія имъ жертвенника Ваалова и затѣмъ борьба Гедеона съ почитателями Ваала, какъ факты, характеризующіе его жизнь и дѣятельность, само собою дѣлали особенно памятнымъ и его имя, прямо связанное съ событіями, которыми онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность и славу. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ по основаніямъ, указаннымъ Nestle'мъ, нельзя заключать, что Іерооаалъ было первоначальнымъ именемъ Гедеона. Если апостолъ Павелъ вовсе не называется Савломъ—своимъ первоначальнымъ именемъ, это не значитъ, что общеупотребительное его имя Павелъ есть первоначальное его имя.

Это имя образовано, какъ מְחַלַלְאֵל (Малелеилъ, Быт. V, 12) и מְחִיטָבְאֵל (Магетавеелъ, Быт. XXXVI, 39); послѣднее конечно никто не станетъ переводить: „благодѣтель Бога“ [1]).

Замѣчательно, что тоже самое лицо, т. е. сынъ Іонаѳана, въ книгахъ Царствъ всегда называется, вмѣсто Мериббаала, *Мемфивосѳеемъ* (מְפִיבֹשֶׁת, 2 Ц. IV, 4. IX, 6 и др.). Первый членъ того имени объяснить трудно; что же касается втораго, то о немъ мы сейчасъ скажемъ.

אִשְׁבַּעַל (Ешбаалъ = мужъ Ваалъ), самый младшій сынъ Саула (1 Пар. VIII, 33. IX, 39); во второй кн. Ц. II, 8, онъ называется אִישׁ־בֹּשֶׁת (Іевосѳей). По догадкѣ Гейгера, имя אֶשְׁבַּעַל или יִשְׁבַּעַל носилъ и одинъ изъ героевъ Давида, котораго имя въ различныхъ мѣстахъ читается различно: во 2 Ц. XXIII, 8: יִשְׁבּ בַּשֶּׁבֶת תַּחְכְמֹנִי; въ 1 Парал. XI, 11: יָשָׁב עָם בֶּן חַכְמֹנִי (Іашавеамъ, сынъ Хахмони). Nestle говоритъ [2]), что различныя чтенія одного и того же имени весьма легко могутъ привести къ первоначальной формѣ его ישבעל (вмѣсто котораго въ книгахъ Самуила [т. е. 1-й и 2-й кн. Царствъ] обыкновенно стоитъ בשׁת, изъ чего вслѣдствіе дальнѣйшей перемѣны могло произойти בֹּשֶׁבֶת). Основаніе для такого толкованія можно находить въ переводѣ 70, гдѣ имя יָשָׁבְעָם (Іашавеамъ, 1 Пар. XI, 11) переводится: Іесваалъ. בְּעַלְיָדָע (Веэліада, 1 Пар. XIV, 7), седьмой сынъ Давида. Въ 2 кн. Ц. V, 16, тоже самое имя пишется: אֶלְיָדָע (Еліада). בְּעַלְיָה (Веаліа = Ваалъ Господь Іегова [Солярскій], 1 Пар. XII, 5), одинъ изъ „сильныхъ“ (1 Пар. XII, 1) въ военномъ станѣ Давида. בַּעַל־חָנָן (Ваалъ-Хананъ = Ваалъ милостивъ, 1 Пар. XXVII, 28), гедеритянинъ. Происходило ли это лицо, какъ соименникъ его въ Быт. XXXVI, 39, изъ рода эдомлянъ, сказать трудно. Въ связи съ этими именами мы должны указать еще три мѣста, гдѣ имя בַּעַל употребляется какъ личное имя безъ всякой прибавки и перемѣны. Эти мѣста: 1 Пар. V, 5; VIII, 30; IX, 36. По двумъ послѣднимъ

---

[1]) Die Isr. Eigen. 121.
[2]) Ibidem.

мѣстамъ, такое имя носитъ братъ отца или дѣда Саулова, и такимъ образомъ оно относится къ разсматриваемому времени. Въ первомъ мѣстѣ Вааломъ называется житель сѣвернаго царства предъ временемъ перечисленія, произведеннаго Θеглаѳфелассаромъ, царемъ ассирійскимъ.

Вотъ всѣ тѣ собственныя имена, явившіяся на почвѣ израильской, въ которыхъ мы видимъ имя ханаанскаго-языческаго божества Ваала. Но прежде чѣмъ дѣлать изъ нихъ выводъ, мы должны указать по крайней мѣрѣ два мѣста изъ книгъ пророческихъ для доказательства употребленія имени „Ваалъ“ между израильтянами. Мы разумѣемъ мѣста изъ книгъ пророковъ Осіи и Софоніи. Во II-й гл. 16 и 17 стихахъ пр. Осія говоритъ слѣдующее: „и будетъ въ тотъ день, говоритъ Господь, ты будешь звать Меня: мужъ мой, и не будешь болѣе звать Меня: *Ваали*. И удалю имена *Вааловъ* отъ устъ ея (церкви іудейской), и не будутъ болѣе вспоминаемы имена ихъ“ (евр. Библія ст. 18 и 19). Пророкъ Софонія возвѣщаетъ отъ имени Божія: „И простру руку Мою на Іудею и на всѣхъ жителей Іерусалима; истреблю съ мѣста сего остатки Ваала, имя идолослужителей со священниками. И тѣхъ, которые на крышахъ покланяются воинству небесному и, покланяясь, клянутся и Господомъ, клянутся и царемъ своимъ“ (I, 4—5). Послѣ всего этого не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что имя „Ваалъ“ было употребительно между израильтянами. Но этимъ не должна еще закончиться наша рѣчь о Ваалѣ. Является новый вопросъ: даютъ ли намъ указанныя данныя свидѣтельство о почитаніи ханаанскаго Ваала въ Израилѣ, или имя Ваала употреблялось израильтянами, какъ имя Іеговы или Элъ и вообще какъ имя истиннаго Бога, чтимаго ими? Если принять во вниманіе указанное мѣсто изъ пророчества Осіи и значеніе имени בְּעָלִי (Веалія), при этомъ, если мы вспомнимъ, что имя Ваалъ употреблялось иногда въ нарицательномъ смыслѣ (вообще по отношенію къ Богу), то является возможность склониться къ признанію послѣдняго предположенія. Многіе такъ и дѣлаютъ [1]). Кромѣ указанныхъ основаній, въ пользу

[1]) Oort, de Dienst der Baalim in Israel, стр. 29. Land, Theol. tijdschr. II, 164. 168. Köhler, der Segen Jakobs, стр. 26. Wellhausen, Der Text der Bücher Samuelis, стр. XII. См у Nestle: Die Isr. Eigenn. стр. 124.

ихъ мнѣнія служитъ и то, что имя „Ваалъ“ встрѣчается въ собственныхъ именахъ такихъ семействъ, которыя съ особенною заботою ревновали въ пользу національности вообще и національной религіи въ особенности. Это были семейства: Давида, Саула, Іоанаѳана, или еще прежде Іоаса, отца Іероваала (Гедеона). Съ другой стороны, во время борьбы между служеніемъ хананскому Ваалу и почитаніемъ Іеговы, во время пророковъ Иліи и Елисея, Ваалъ не входитъ ни въ одно личное имя въ народѣ израильскомъ.

Но, съ другой стороны, и второе предположеніе, — что между Израилемъ было почитаніе хананскаго Ваала—также имѣетъ за себя доказательства. Объясненіе имени Іероваала, какое дается въ VI гл. кн. Судей, могло произойти только въ томъ случаѣ, если имя Ваала въ собственныхъ личныхъ именахъ разсматривалось, какъ собственное имя языческаго бога. Далѣе, по словамъ Nestle, различныя перемѣны, какія претерпѣваютъ нѣкоторыя изъ указанныхъ именъ въ книгахъ 1-й и 2-й Царствъ, — перемѣна בַּעַל на בֹּשֶׁת (מְפִי בֹשֶׁת = מְרִיב־בַּעַל) или Елъ אֵל (אֱלִידָע = בְּעֶלְיָדָע) — могутъ быть разсматриваемы какъ попытки устранить соблазнъ, который могло производить имя языческаго божества, напоминая о себѣ въ личныхъ именахъ израильскаго народа [1]). Наконецъ, если мѣсто изъ книги пророка Осіи, II гл. 16 (18) ст., можетъ быть пріурочено къ первому предположенію, то съ другой стороны общее содержаніе этой главы рѣшительно говоритъ о почитаніи хананскаго Ваала въ народѣ израильскомъ. Въ этой главѣ Осія дѣлаетъ упрекъ невѣрному народу въ томъ, что онъ не Іеговѣ посвящалъ дары, которые получилъ отъ Іеговы, но любовницамъ и Вааламъ. „А не знала она,—говоритъ пророкъ отъ лица Божія къ церкви израильской,—что Я, Я давалъ ей хлѣбъ, и вино, и елей, и Я же обогащалъ ее серебромъ и золотомъ, которое тратятъ на Ваала (ст. 10); и взыщу съ нея за дни служенія Вааламъ, когда она кадила имъ“ и т. д. (ст. 15; ср. XIII гл.; Іер. XXXXIV, 17 и сл.). Здѣсь весьма ясно говорится о почитаніи Израилемъ Ваала, а не Іеговы, хотя бы и подъ именемъ Ваала. Съ этимъ мѣстомъ

[1]) Ibidem, 125 стр.

и для той же самой цѣли можно поставить въ связь и процитованное мѣсто изъ книги пророка Софоніи, которое настолько ясно говоритъ о почитаніи Ваала въ Іудеѣ и Іерусалимѣ, что не нуждается ни въ какомъ поясненіи. Такимъ образомъ, на основаніи всѣхъ указанныхъ данныхъ относительно употребленія въ народѣ израильскомъ имени Ваала, мы пришли къ двумъ объясненіямъ довольно между собою несходнымъ: первое видитъ въ словѣ Ваалъ, какъ оно встрѣчается въ личныхъ именахъ, указаніе на истиннаго Бога, Іегову, только подъ другимъ названіемъ; второе видитъ Ваала, какъ божество языческое.

Склоняться исключительно къ одному какому либо объясненію, какъ это дѣлаетъ Nestle, высказываясь въ пользу втораго предположенія, или, какъ Солярскій, въ пользу перваго, намъ кажется, нужно съ очень большою осторожностію. Если послѣдній говоритъ по поводу двухъ собственныхъ именъ: Ешбаалъ и Мерибаалъ, что имя Ваала прилагалось къ истинному Богу, и невѣроятно, чтобы братъ Іонаѳана и сынъ носили имена, посвященныя языческому божеству, то мы въ свою очередь можемъ спросить: нельзя ли объяснить происхожденіе этихъ именъ въ благочестивыхъ еврейскихъ семействахъ какимъ нибудь случайнымъ обстоятельствомъ, имѣющимъ связь именно съ именемъ языческаго Ваала, какъ напр. объясняется имя Іероваалъ? Съ другой стороны, какимъ образомъ Ешбаалъ, что значитъ — мужъ Ваалъ(а) и по вышеуказанному объясненію (16 ст. II гл. Осіи) тоже, что мужъ Іегова(ы), было измѣнено въ Іевосѳей (אִישׁ־בֹשֶׁת), т. е. мужъ позора? Но если эти наши вопросы и не имѣютъ значенія, то тѣмъ не менѣе согласиться съ предположеніемъ, что имя Ваала замѣняло собою въ личныхъ именахъ только имя Іеговы, т. е. было именемъ истиннаго Бога, весьма трудно.

Факты почитанія Ваала, о которыхъ такъ ярко говорятъ историческія книги Ветхаго Завѣта, и указанныя данныя въ пользу втораго предположенія, весьма ясно говорятъ сами за себя и во всякомъ случаѣ не даютъ отрѣшиться отъ той мысли, что собственныя имена, соединенныя съ именемъ Ваалъ, имѣютъ связь именно съ почитаніемъ языческаго божества и говорятъ о не со-

всѣмъ чистомъ вѣрованіи въ Іегову. Однако, если остановиться и на этомъ одномъ мнѣніи, то это еще не значитъ—освободить себя отъ возраженій. 16-й ст. II-й главы пр. Осіи весьма ясно говоритъ за то, что Іегова дѣйствительно назывался Ваалomъ. Если Nestle хочетъ глаголъ קרא переводить: призывать, звать (въ переводѣ 70 стоитъ: прозывать), съ чѣмъ можно согласиться, то вмѣстѣ съ этимъ нѣтъ нужды дѣлать такой перифразъ, какой дѣлаетъ онъ въ 16 стихѣ: „и не будешь уже звать *вмѣсто* Меня: Ваали"; въ текстѣ говорится прямо: „не будешь уже звать Меня: Ваали".

При такомъ состояніи данныхъ въ пользу того и другаго предположенія, намъ нѣтъ необходимости пытаться установить правильность исключительно одного изъ нихъ. Если всмотрѣться въ нихъ съ той стороны, съ какой они имѣютъ значеніе для насъ, то въ существѣ они могутъ повести къ одному и тому же выводу. Если нужно согласиться съ тою мыслію, что имя Ваалъ въ израильскихъ личныхъ именахъ означало истиннаго Бога, то самое приложеніе имени Ваала къ истинному Богу не носитъ ли на себѣ признаковъ вліянія служенія ханаанскому Ваалу? другими словами, не перенесли ли іудеи имени „Ваалъ" къ истинному Богу съ Ваала ханаанскаго? Это весьма вѣроятно. Намъ уже извѣстно, что имя Ваала въ собственныхъ именахъ является только со времени судей, когда народъ еврейскій имѣлъ особенно частыя столкновенія съ ханаанскими народами и когда дѣйствительно сталъ увлекаться служеніемъ Ваалу. Съ другой стороны, прибавимъ къ тому, что послѣ пророка Иліи, когда имя Іеговы было засвидѣтельствовано чудеснымъ образомъ, какъ имя истиннаго Бога, и доказано было ничтожество Ваала (3 Ц. XVIII), послѣднее имя вышло изъ собственныхъ именъ народа израильскаго. Это даетъ мѣсто тому заключенію, что наименованіе истиннаго Бога Ваалomъ перешло съ почвы ханаанскихъ божественныхъ именъ. А отсюда въ свою очередь можно сдѣлать слѣдующій выводъ: все равно, употреблялось ли имя Ваала въ собственныхъ именахъ, какъ имя истиннаго Бога или какъ языческаго идола, въ томъ и другомъ случаѣ (только въ первомъ косвенно, а во второмъ прямо) указывается

на то, что имя Ваала свидѣтельствуетъ о вліяніи на еврейскій народъ служенія ханаанскому Ваалу и объ увлеченіи Израиля этимъ культомъ. Этого для насъ достаточно для характеристики съ общей стороны религіознаго сознанія израильскаго народа, какую мы можемъ дать на основаніи разсматриваемыхъ собственныхъ именъ, или—для указанія отношенія истинной религіозной идеи къ языческимъ—ханаанскимъ представленіямъ и въ частности къ служенію Ваалу.

Итакъ, чтоже это было за религіозное сознаніе? Вкороткѣ его можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ. Народная масса, какъ извѣстно уже намъ, воспитываемая въ служеніи Іеговѣ, со времени Моисея и въ періодъ разсматриваемыхъ личныхъ именъ не была еще глубоко проникнута той чистой идеей монотеизма, какая составляетъ характеристику вообще всего откровеннаго ученія ветхозавѣтнаго отъ начала и до конца и какую постоянно возвѣщали органы божественной воли. Фактъ почитанія Ваала, о которомъ свидѣтельствуютъ не только собственныя имена, но и съ особенною ясностію историческія и пророческія книги Ветхаго Завѣта, говоритъ, что для народа израильскаго не было еще невозможнымъ не только теоретическое признаніе, но и самое служеніе на ряду съ Іеговою и другимъ богамъ (хотя эти боги всегда считались безконечно ниже Іеговы, какъ увидимъ ниже). Слѣдовательно, стоя на субъективной почвѣ народнаго религіознаго сознанія, мы должны сказать, что совершенная, глубокая монотеистическая идея въ данное время не достигла своей зрѣлости. При глубокомъ пониманіи монотеистической идеи вышеупомянутый фактъ былъ бы немыслимъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что чистая идея монотеизма не мирится даже съ мыслію о другихъ божествахъ, не только—о почитаніи ихъ. Очевидное доказательство этого мы видимъ въ самой же исторіи еврейскаго народа. Дальнѣйшія страницы его исторіи—особенно послѣ плѣна—показываютъ намъ, до какой степени непозволительно было для народа почитаніе языческихъ божествъ. Такимъ образомъ, собственныя имена, соединенныя съ именемъ Ваалъ, дѣйствительно показываютъ намъ, что народъ еврейскій въ разсматриваемое время не успѣлъ стряхъ-

нуть съ себя того вліянія, какое было навѣяно языческимъ культомъ. Но, съ другой стороны, эти же самыя имена указываютъ и поворотный пунктъ въ религіи израильтянъ, именно поворотъ къ очищенію религіозныхъ представленій отъ этихъ чуждыхъ примѣсей. Этотъ пунктъ принадлежитъ времени пророка Божія Иліи и своимъ появленіемъ обязанъ именно дѣятельности этого пророка. Если мы обратимся къ собственнымъ—личнымъ именамъ, то съ этого именно времени приблизительно мы не находимъ, какъ было замѣчено, ни одного имени, соединеннаго съ именемъ Ваала,—ясный знакъ, что въ народѣ съ этого времени произошелъ переворотъ не въ пользу этого божества.

Насколько справедливо приписывать такое значеніе времени пророка Иліи, мы увидимъ, если прояснимъ сейчасъ указанное свидѣтельство со стороны фактической. Ко времени пророка Иліи служеніе Ваалу достигло высшей степени своего развитія между Израилемъ. Іезавель, жена Ахаава, вознамѣрилась сдѣлать этотъ культъ офиціальнымъ культомъ. Такимъ образомъ въ сознаніи народа выступила даже дилемма: *Іегова* или *Ваалъ*. Эта дилемма весьма ясно слышится въ словахъ пророка Иліи: „Если Іегова есть Богъ, то послѣдуйте Ему; если Ваалъ, то ему послѣдуйте“ (3 Ц. XVIII, 2). Очевидно пророку Божію нужно было рѣшить эту дилемму. Знаменитое рѣшеніе ея мы видимъ на горѣ Кармилѣ. При помощи чудеснаго содѣйствія Божія здѣсь не только была засвидѣтельствована та истина, что Іегова есть истинный Богъ израильскій, но абсолютнымъ безсиліемъ Ваала воочію было показано и то, что Богъ Израилевъ есть только одинъ истинный Богъ, т. е. Богъ въ собственномъ смыслѣ, а Ваалъ есть ничтожество. Нужно ли говорить о томъ, какое дѣйствіе произвело это событіе на религіозное сознаніе массы? Эта масса теперь торжественно засвидѣтельствовала показанную ей истину: и видѣлъ это весь народъ и пали на лице свое и сказали: „Іегова есть Богъ, Іегова есть Богъ“ (יְהוָה הוּא הָאֱלֹהִים, יְהוָה הוּא הָאֱלֹהִים, 3 Ц. XVIII, 39). Такимъ образомъ, въ религіозномъ сознаніи произошелъ радикальный переворотъ по отношенію къ почитанію Ваала и утвержденію вѣры въ Іегову. Кажется, ни одинъ моментъ из-

раильской исторіи со дня пророка Моисея не можетъ сравниться по своей важности съ временемъ пророка Иліи и ни одинъ моментъ непосредственнѣе не напоминаетъ о томъ первомъ божественномъ откровеніи, какъ сейчасъ указанный.

Однакожъ, приписывая указанному событію такое рѣшительное вліяніе на очищеніе религіозныхъ убѣжденій еврейскаго народа, мы не утверждаемъ, чтобы послѣ этого времени совершенно прекратилось въ народѣ служеніе идоламъ. Возвращеніе этого недуга мы видимъ и послѣ; но это возвращеніе не имѣло уже серьезной опасности для истинной религіи. Факты подобнаго служенія были только остатками того увлеченія безпечною въ нравственномъ отношеніи жизнію, которая была связана съ идолопоклонствомъ и которая особенно пристрастила къ себѣ народъ; это были, если можно такъ сказать, истеченія гноя изъ наболѣвшей раны; но отпаденіе цѣлаго народа отъ своего Бога было невозможно. Съ этого историческаго момента въ массѣ народной болѣе и болѣе начинаетъ крѣпнуть вѣра въ единаго истиннаго Бога и такимъ образомъ сознательно усвояться то откровенное ученіе о Богѣ, которымъ характеризуется все ученіе Ветхаго Завѣта, такъ что этотъ моментъ мы и можемъ назвать началомъ исполненія пророчества Осіи: „и не будешь уже звать Меня: Ваали. И удалю имена Вааловъ отъ устъ (ея) и о нихъ не станутъ болѣе вспоминать по имени ихъ“.

Поэтому время пророка Иліи мы можемъ назвать по справедливости временемъ начала новаго періода въ религіозной исторіи Израиля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ исторіи нашихъ именъ.

Такимъ образомъ, мы снова здѣсь стоимъ у самаго начала третьяго періода. Какое же значеніе все сказанное доселѣ имѣетъ для характеристики его и чѣмъ характеризуется этотъ періодъ? Чтобы видѣть это нагляднѣе, мы укажемъ коротко тѣ результаты, къ которымъ мы пришли путемъ рѣшенія двухъ выше-поставленныхъ вопросовъ. Ихъ можно передать слѣдующимъ образомъ: имена Божіи Элъ и Іегова, которыя—каждый особо—характеризуютъ собою первые два періода въ исторіи собственныхъ именъ народа израильскаго, не суть два имени различныхъ боговъ, но принадлежатъ одному и тому же истинному Богу, которому евреи слу-

жили до Моисея и послѣ него. Съ другой стороны, этотъ Богъ не только Богъ израильскій, но и Богъ единый истинный, Богъ всего міра, кромѣ котораго нѣтъ другихъ боговъ.

Другими словами, все сказанное нами сводится къ слѣдующимъ тремъ словамъ: *Іегова есть Элъ* (אֱלֹהִים) или Га-элогимъ (הָאֱלֹהִים 3 Ц. XVIII, 19) т. е. Богъ. Эти два имени (Элъ и Іегова) и составляютъ собственно характеристику третьяго періода нашихъ именъ. Если въ этомъ періодѣ не выступаетъ какого либо новаго имени Божія, то вмѣсто этого является та особенность, что въ собственныя имена теперь начинаютъ входить поперемѣнно и то и другое имя Божіе безъ различія. Такимъ образомъ, третій періодъ съ одной стороны представляетъ утвержденіе въ народной массѣ чистой монотеистической идеи, т. е. идеи абсолютнаго единства Божія; съ другой стороны, характеризуется объединеніемъ разсмотрѣнныхъ нами именъ Божіихъ. Этотъ результатъ прежде всего выражается въ имени самаго пророка Иліи, אֵלִיָּהוּ, которое значитъ *Элъ-Іегова* или *Богъ-Іегова* [1]). Это имя буквально выражаетъ тоже самое, что мы слышимъ и на Кармилѣ: *Іегова есть Богъ*. За этимъ именемъ идетъ рядъ другихъ личныхъ именъ, въ которыхъ, хотя не соединяются אֵל и יְהוָה вмѣстѣ, но употребляются безразлично и довольно соразмѣрно. Слово אֵל не вытѣсняется болѣе словомъ יְהוָה, потому что, какъ мы видѣли, оно не представляетъ никакой противоположности ему; но также и употребленіе יְהוָה не исчезаетъ, потому что это имя все болѣе теряетъ свой характеръ, какъ имя индивидуальное, и все болѣе переходитъ въ общее значеніе אֵל и הָאֱלֹהִים, въ значеніе „Богъ“ или лучше „Господь“,— принимаетъ именно то значеніе, какое мы старались указать въ немъ съ догматической точки зрѣнія. Указать опредѣленный моментъ времени, въ который начался этотъ переходъ, едва-ли возможно; во всякомъ случаѣ онъ совершился уже предъ временемъ 70-ти; это видно изъ того, что они вездѣ передаютъ это имя словомъ Господь (Κύριος). Изъ именъ, соединенныхъ съ אֵל въ

[1]) Букву іодъ (י) между אֵל и יְהוָה можно разсматривать двояко: какъ мѣстоим. суффиксъ 1-го л. и какъ простую связку.

разсматриваемое время, мы можемъ указать прежде всего на имя обѣтованнаго Искупителя: עִמָּנוּאֵל, Еммануилъ (Ис. VII, 14), затѣмъ, встрѣчающееся въ книгѣ Нееміи (XI, 7), собственное имя אִיתִיאֵל (Іоіилъ); вмѣстѣ съ обычнымъ חִזְקִיָּהוּ (Езекія, 4 Ц. XVI, 20) позднѣе лишь является имя יְחֶזְקֵאל (Іезекіиль, Іезек. I, 3); въ вавилонскомъ плѣну также образуются личныя имена, соединенныя съ אֵל, наприм. שְׁאַלְתִּיאֵל (Салаѳіилъ, 1 Пар. III, 17; 1 Ездры III, 2 и др.), אֶלְיָשִׁיב (Еліяшивъ, 1 Пар. III, 24 и др.), עֻזִּיאֵל (Узіилъ, Неем. III, 8), מְהֵיטַבְאֵל (Мегетавеилъ, Неем. VI, 10) и проч. Однако, вмѣстѣ съ именемъ עִמָּנוּאֵל (Еммануилъ) выступаетъ и имя יְהוָה צִדְקֵנוּ (Господь оправданіе наше [праведенъ нашъ]. Іер. XXIII, 6), и если пророкъ Іезекіиль носитъ въ своемъ имени אֵל, то, однако, свою книгу онъ заключаетъ именемъ יְהוָה שָׁמָּה (Іегова тамъ). Хотя это послѣднее имя не личное, но оно показываетъ все-таки, что на ряду съ אֵל въ собственныхъ именахъ употреблялось и יְהוָה. Далѣе, къ именамъ, соединеннымъ съ послѣднимъ именемъ Божіимъ принадлежитъ цѣлый рядъ именъ, кончащихся на יָה, которыя принадлежатъ позднѣйшему времени, напр. מַעֲרָיָה (Маадія, Неем. XII, 5), на ряду съ болѣе раннимъ עֲדָיֵאל (Адіилъ, 1 Пар. IV, 36); מַעֲזָיָה (Маазія, 1 Пар. XXIV, 18. Неем. X, 9); חַרְחָיָה (Харгаія. Неем. III, 8), חֲנַנְיָה (Хананія: тамъ же); מַלְכִּיָּה (Малхія ст. 11); אוּרִיָּה (Урія 21 ст.) и др.

Въ связи съ этими двумя классами именъ (соединенныхъ то съ אֵל, то съ יְהוָה), здѣсь можно, хотя кратко, коснуться еще третьяго класса ихъ. Мы разумѣемъ классъ сокращенныхъ именъ, относительно которыхъ сдѣлали уже замѣчаніе въ рѣчи о составѣ и внѣшненъ видѣ собственныхъ именъ вообще. Въ разсматриваемое время этотъ классъ является сравнительно очень богатымъ. Въ основѣ этого факта конечно лежитъ весьма естественное требованіе имѣть болѣе легкія имена для произношенія и запоминанія. Съ этою цѣлію сложныя имена и начали сокращаться. При этомъ сокращеніе производилось чрезъ выпущеніе легко подразумѣваемаго имени Божія. Такъ наприм. имя пророка Наѳана, נָתָן, очевидно есть сокращеніе изъ נְתַנְאֵל или אֶלְנָתָן, נְתַנְיָה или יוֹנָתָן, по крайней мѣрѣ его едва ли можно объяснить другимъ способомъ.

Точно также можно объяснить מַתָּן (Матоанъ, 4 Ц. XI, 18; ср. מַתַּנְיָה, Матоанія), זִכְרִי (Зехеръ, 1 Пар. VIII, 31; ср. זְכַרְיָה, Захарія), חָנָן (Хананъ, 1 Пар. XVI, 43) и др. Послѣднее имя встрѣчается даже вмѣстѣ съ болѣе ранними именами: חֲנַנְאֵל (Ханаиилъ, Іер. XXXI, 38), אֶלְחָנָן (Елхананъ, 1 Пар. XI, 26; XX, 5) и יוֹחָנָן (Іохананъ, 1 Пар. XII, 4).

Къ этому же классу сокращенныхъ собственныхъ именъ принадлежатъ и различныя формы отъ עֶבֶד (рабъ): прежде всего эта первоначальная его форма (Эведъ, Суд. IX, 26), затѣмъ עֹבֵד (Овидъ), עַבְדָּא (Авда), אַבְדוֹן (Авдонъ), съ которыми во всякомъ случаѣ нужно соединять какое либо изъ именъ Божіихъ, если не по формѣ, то непремѣнно по смыслу.

Здѣсь мы заканчиваемъ отвѣтъ на первый нашъ вопросъ: какія имена Божіи входили въ личныя имена народа израильскаго. Рѣшеніе этого вопроса дало намъ уже не мало очень интересныхъ свѣденій, касающихся исторіи религіозной жизни и мысли израильскаго народа; вмѣстѣ съ этимъ мы не могли не видѣть и того, какой превосходный памятникъ оставила по себѣ исторія народа въ его собственныхъ именахъ. Но въ этомъ мы убѣдимся еще болѣе, когда попытаемся войти во внутренній анализъ содержанія этихъ именъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки